

ДМИТРИЙ БАЯНКИН

**ЧЕЛОВЕК
ИЗ СЕРВЕРНОЙ**

Дмитрий Баянкин

Человек из серверной

«Издательские решения»

Баянкин Д. В.

Человек из серверной / Д. В. Баянкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505884-3

Как почувствовать разницу между сном и реальностью? Можно ли прожить жизнь, не запутавшись в её нелинейности? Как понять, случайно ли совпадение или оно кем-то заранее подстроено? Можно ли изменить то, что предначертано судьбой? Только один человек может помочь герою ответить на эти вопросы — человек из серверной.

ISBN 978-5-00-505884-3

© Баянкин Д. В.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	10
III	15
IV	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Человек из серверной

Дмитрий Вячеславович Баянкин

© Дмитрий Вячеславович Баянкин, 2019

ISBN 978-5-0050-5884-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

После шести утра время будто останавливается, и остро это чувствуется во время ночного дежурства на улице. Становится глубоко плевать на спокойный сон сослуживцев. Я жду команду «Подъём!» так, будто уже не один час просидел в очереди к терапевту в поликлинике, стоя почти у самой двери казармы в ожидании крика дневального. Окоченевшие руки спрятаны под худым бронежилетом, на запястье болтается резиновая дубинка. Холодно и очень хочется спать. И дёрнул меня леший когда-то вызваться в наряд по охране военно-хозяйственных объектов?

Собственно, наряд по охране ВХО мне даже нравился, разве что бесили последние полчаса дежурства, когда уже ничего не хочется, кроме еды и сна. Сегодня меня распределили на плац, откуда открывался вид почти на всю часть. Вдоль него располагалось основное здание, где на первом этаже были штаб и лазарет, а на втором и третьем – спальные помещения. По левую сторону от штаба на небольшом возвышении находился клуб части, за зданием клуба были спортзал, стадион и помещение отдельного комендантского взвода. Если заглянуть за спортзал, можно было попасть в подсобное хозяйство. Напротив штаба, через плац, находились солдатская и офицерская столовые, за которыми были гаражи и овощехранилище. Справа плац сужался и выходил на дорожку, ведущую к КПП.

Я посмотрел на часы. 6:31. Дневальный, ты там уснул, что ли? Давай, ори во всю глотку, отпуская меня отсюда. Проходит ещё целая вечность до того, как я слышу мальчишеский крик «Рота, подъём! До построения на зарядку осталось пятнадцать минут! Форма одежды номер пять!». 6:32. На две минуты позже, чем надо. Осматриваю напоследок вверенную мне территорию, сдаю в кладовую спецсредства – «броню» и дубинку – и направляюсь в столовую.

Знаете, какие три роскоши есть у солдата, вроде меня? Сон и еда. А третья – баня. Правда, банный день бывает только раз в неделю. А вот спать и есть хочется постоянно. А поесть перед сном – это вообще что-то за гранью реального. После такого оставалось только мечтать о горячей ванне. Это было бы верхом солдатской роскоши.

На завтрак сегодня перловка с кусочком поджарено-подсушенного минтая. Рыба резиновая, хорошо, что хоть крупа доварена, а то пришлось бы давиться. Но спать на голодный желудок совсем не дело. А вот по части горячих напитков повар превзошёл самого себя – чай получился крепким и очень сладким.

В столовой я дожидаюсь старшего наряда из сержантов и ещё троих своих сослуживцев, стоявших ночью у других объектов части. Вчетвером, в сопровождении старшего по званию, мы строем идём в казарму, где он докладывает старшине роты о прибытии с ночного дежурства, о происшествиях, если таковые были. Мы стоим по стойке «смирно», выслушивая замечания, кое-где перемежающиеся с матерком, а потом звучит долгожданная фраза: «Ладно, сержант, команду отбой». Старший наряда отдаёт воинское приветствие, отвечая «Есть!», поворачивается к нам и командует: «Наряд, разойдись. Отбой!».

Я снимаю форму, укладываю её на табуретке и заскакиваю на свою койку на втором ярусе. Она неудобная и скрипит от каждого малейшего движения. Но сейчас я на это меньше всего обращаю внимание. Жутко хочется спать. Забываюсь практически моментально, попутно замечая, как после октябрьского холода горит лицо.

Для того, чтобы лечь спать как можно быстрее у меня есть ещё одна причина, помимо очевидного желания. Вот уже неделю подряд, во время утреннего сна, я встречаюсь сам с собой. Это как будто смотреться в зеркало, только в отличие от реальности, твоё отражение живёт само по себе. Даже представляется неким администратором. Вот и сейчас я постарался уснуть, чтобы встретиться с ним.

В предыдущие наши встречи во снах он показывал картинки из моего прошлого и указывал на ошибки. В каждом сне разбиралась одна конкретная ситуация. Я не придавал этому значения до тех пор, пока он не попросил меня о помощи. Проснувшись в обед, я подумал, а чем, собственно, я мог бы ему помочь. Меня так завлекло это общение с ним, что я решил откликнуться на просьбу о помощи. В конце концов, я ничего не терял.

«Привет, админ!», – поприветствовал я, когда снова встретил его.

«Привет», – ответил он: «Прогуляемся в прошлое или сразу поговорим о моей просьбе? Ты что-то решил?».

«Я согласен», – решительно ответил я.

«Вот и хорошо».

«В чём заключается моя помощь?», – мне хотелось услышать от него что-то конкретное.

«Э-э-э, приятель. Не так сразу», – ему явно не понравился мой бравый настрой: «Давай начнём с того, что я расскажу тебе, кто я на самом деле».

«Ты – это я. Моё ожившее отражение. Альтер эго. Или как ещё?».

Мой собеседник покачал головой:

«И прав. И не прав. Как я тебе уже сказал, я – администратор».

«Да, ты уже говорил об этом», – перебил я своё отражение. Меня начинало раздражать, что он все время тянет, будто выжидает.

«Не спеши, Дмитрий. Не спеши. Забегу вперёд, как бы ты в дальнейшем ни жил, ты всегда будешь слышать эту фразу. Помяни моё слово!».

Блин, да сколько можно-то? Собеседник же продолжал:

«Если ты переживаешь, что сон может закончиться, то можешь не бояться. Во снах время относительно, как правило. Если сон хороший, то он быстро проходит».

«А, то есть, этот сон плохой?», – снова перебил я.

«Ну, скажем так: у меня классическая ситуация. Две новости. Одна плохая. Твоя жизнь под угрозой. Но есть и хорошая новость. Все можно исправить. И тут мне нужна твоя помощь».

Я всмотрелся в себя самого. Когда я умудрился стать таким занудой, интересно? Было заметно, что мой собеседник старше меня лет на десять как минимум, разве что не такой короткостриженный, как я, да и одет попримечнее, со вкусом.

«Ты всегда такой, только не замечаешь этого», – он будто прочитал мои мысли: «Ладно. За дело. Приготовься».

Он щёлкнул пальцами и перед глазами выросли стеллажи с компьютерами, составленные в бесконечное множество рядов, разделяемых узкими коридорами. Все вокруг скрипело, шумело, шуршало, пищало и мигало многочисленными светодиодами. Мы стояли в центре всего этого компьютерного великолепия, как раз в том месте, где был огромный экран.

«Впечатляет?», – повернулся он ко мне: «Это – серверная. Место, где хранится информация».

«Информация о чём?».

«Ну в данном случае, информация о твоей жизни. Если быть точнее, обо всех её вероятных поворотах и ходах».

«Это как?», – я не понимал.

«Это так, Дмитрий», – передразнил меня собеседник: «Вся твоя жизнь уже расписана на бесконечное количество шагов вперёд. И записана. Ну-ка, человек с высшим образованием, где хранится информация?»

«В компах? На жёстких дисках», – ответил я и развёл руками.

«Правильно. Каждый твой шаг, каждое твоё действие или бездействие, все вероятности твоей жизни зафиксированы на жёстких дисках, которые хранятся на серверах».

«Ух-ты!», – удивлённо воскликнул я: – «То есть, всё уже придумано за меня?»

«Ну, вроде того. Но не совсем».

Как всё двусмысленно.

«То есть?».

«На серверах записаны все вероятности твоей жизни. Во всех параллельных реальностях. Но!», – он поднял вверх указательный палец: «Если твой изошрённый разум придумает что-то ещё, то здесь будет продолжение, встанут серверы, возникнет новая реальность».

«Твоя задача как администратора – контролировать работу всего этого хозяйства?», – предположил я.

«Вроде того», – ответил мой собеседник: «Но тоже не совсем. Видишь ли, мы с тобой сейчас находимся в четырёхмерном мире. Здесь, помимо привычных тебе трёх измерений, есть ещё четвёртое. Это время. И чтобы тебе было удобно, оно представлено в виде серверной».

«Вот как!», – я многозначительно кивнул, якобы понимая суть его слов, но сам с трудом был способен переварить информацию.

«Здесь нет будущего и прошлого. Здесь всё время – настоящее. Есть только бесконечное количество вероятностей его развития. Та жизнь, которой ты живёшь сейчас, записана на сервере 61691619. Хороший номер, правда?», спросил он и снова щёлкнул пальцами.

На экране возникло изображение серверного ящика.

«Вот он», – администратор указал на большой серверный ящик: «Сейчас ты без задних ног дрыхнешь после очередного ночного наряда. Это всё, что я могу сказать. Ты не вправе требовать от меня подробностей своего будущего – оно ещё не случилось!».

Он читал мои мысли, потому что я хотел как раз об этом его спросить. Он продолжал:

«На сервере есть несколько жёстких дисков. Они, как правило, хранят информацию о самых вероятных развитиях твоей жизни. Но всегда можно принять радикальное решение. Тогда сервер переключается на другой жёсткий диск. Или даже передаёт твою настоящую реальность на другой сервер. В исключительных случаях создаётся вообще новый».

«Это в каких, например?», – любопытно спросил я.

«Ну, допустим, ты из принципа не играешь в лотерею. А тут взял, да и загорелся. Вероятность такого шага предусмотрена на одном из серверов. Это на том, что у самого края. Твоя реальность переходит на него и крутится уже там. Но есть вещи, которые от тебя не зависят. Представь себе, что ты выигрываешь крупную сумму в лотерею».

«Ох, было бы круто!», – мечтательно ответил я.

«Круто ему, ага», – буркнул админ: «А мне работы добавится с новым сервером. Короче, когда происходят подобные вещи, в комнате возникает новый такой ящик. А может и несколько. Я слежу за этим прямо отсюда. К самим серверам не хожу, там жизнь идёт своим ходом. Мне же вся информация доступна с дисковой утилиты», – пояснил администратор.

Я кивнул, становилось скучно. Я рассчитывал, что он расскажет мне что-то интересное и тут вспомнил, с чего начинался наш разговор.

«Ты говорил, тебе нужна моя помощь? Что-то вроде, жизнь в опасности и всё такое?».

«Да», – ответил он и в очередной раз щёлкнул пальцами: «Смотри».

На мониторе выскочила разноцветная таблица, состоящая из мелких клеток-кластеров. Большинство из них горели зелёным цветом, пара-тройка жёлтым, ещё столько же – ярко-красным.

«Не так давно произошёл системный сбой. Непредвиденное копирование информации с одного сервера на другой. В результате, в одной из своих реальностей ты проснулся с информацией, которую не должен знать. Видишь, вот эти жёлтые кластеры?», – он указал пальцем на экран: «Это как раз те участки. Они не повреждены, они просто незначительно пострадали, поскольку тебе в той реальности удалось частично восстановить привычную вероятность событий. Хоть и с небольшими отклонениями».

«А мигающие красные?», – спросил я.

«Это уже повреждённые участки. Восстановлению не подлежат, на них можно только метку поставить, чтобы в дальнейшем их не использовали. Таких участков становится всё больше и больше. Я думал, что это пошла цепная реакция после системного сбоя, но нет. Неисправность тянется из другой серверной».

«Ты уже выяснил, откуда?», – спросил я.

«Могу предположить», – ответил администратор: «И то, только ссылаясь на жёлтые кластеры. Скорее всего это серверная человека, с которым ты не должен был встречаться на этих секторах. Он не должен был появиться в твоей жизни».

«Что-то я ничего не пойму».

«Причина не в нас с тобой. Причина в другом человеке. Скорее всего, это её администратор корректирует информацию, чтобы она могла встречаться с тобой в других реальностях», – пояснил он.

«А, так это ещё и девушка?».

«Подозреваю, да», – ответил администратор и развёл руками. Потом он взглянул на свой хронограф: «Похоже, у нас истекло время. В общем, если хочешь помочь, то предупрежу сразу – будет сложно».

«Ну, мы лёгких путей не ищем», – отшутился я.

«Ох, уж это твоё специфичное чувство юмора», – съязвил он: «Короче, первое и основное – учись осознанным снам. Только так ты сможешь попасть в четырёхмерный мир. Инструкции я тебе пришлю».

«Во снах?», – спросил я.

В ответ он указал на монитор:

«У меня нет возможности бродить с тобой по снам, пока тут выгорает информация. Но схитрить я могу. Так что цепляйся за любой знак. Когда научишься осознаваться, мы и встретимся. Но не тяни время, его и так мало в твоей реальности».

«Что ты имеешь в виду? Почему мало?»

Кажется, эти слова я произнёс вслух, лёжа на своём втором ярусе в казарме. Открыл глаза и увидел привычную обстановку спартанского военного общежития. Мимо моей койки проходил дневальный со шваброй в руках.

– Что, хреновый сон? – спросил он.

– Ага, вроде того, – ответил я. – Который час?

– Через двадцать минут будут орать построение на обед, – ответил дневальный. – Так что можешь уже не ложиться.

II

Дверь казармы неприятно хлопнула.

– Так, я не понял! Дневальный! Где команда «Смирно!»?

Этот голос был мне знаком. Один из старослужащих нашей части, младший сержант по званию и «дедушка», если следовать неписанным правилам дедовщины в армии.

Навстречу ему вышел дежурный по роте.

– Сизый, хорош духов тиранить, – обратился он к вошедшему. – Айда лучше в каптёрку, пока чайник горячий.

– Погоди, – ответил Сизый. – Я осмотрюсь немного. Тут, кажется, кто-то из ВХО-шников завалился.

Он подошёл к моей кровати и скомандовал:

– А-ну, подъём!

Сизый, он же младший сержант Сизов, невзлюбил меня с первого же дня моего пребывания в части. Срочников с высшим образованием вообще не любили, потому что, в отличие от молодых людей без соответствующего диплома, они служили всего лишь год вместо двух. Годичников, так нас называли, было немного, но нам доставалось больше всех. То ли от зависти, то ли от того, что нас считали не такими как все. Сохранить лицо перед такими субъектами, как Сизый, для меня было делом принципа.

Я вставать не торопился. Приподнялся, вопросительно посмотрел на него.

– Я не понял! – негодуяше сказал Сизый, повышая голос. – Тебя чё, душара, попёрло? Подъём, была команда!

После этих слов он пихнул подошвой сапога край двухъярусной кровати, давая понять, что я испытываю его терпение. Поняв, что полежать он мне всё равно не даст, я стал подниматься и слезать со своего яруса.

Меня спасало то, что Сизов служил не в нашей роте. Он частенько заглядывал к нам в гости, проведать земляка из Красноярска, сержанта Кокарева, который, к слову сказать, в данный момент и дежурил по роте. Чаще всего его визиты заканчивались посиделками в кладовой-каптёрке, где он со своим земляком проводил время за игрой в карты, крепким чаем с гостинцами, присланными с «гражданки» и курением хороших сигарет, купленных в городе.

Кокарев молча наблюдал эту картину, контролируя развитие неприятной ситуации.

– Хрена ли так медленно? – с ещё большим негодованием в голосе спросил Сизый. – Отставить! Отбой!

Я решил на свой страх и риск проигнорировать эту команду. Если завяжется драка, чего пока не случалось, то буду отбиваться. Но подчиняться командам «левого» сержанта я не стану, а уж тем более вставать в упор лёжа или на «полтора».

– Я не понял, воин! Ты чё, решил болта забить на дедушку? – не унимался Сизый.

Я молчал, подбирая слова. Можно было попытаться грамотно объяснить, что я не собираюсь выполнять ничьи команды, кроме своих непосредственных начальников (так предписано по уставу), а дедовщина в нашей части практически искоренена, так что пусть «дедушка» идёт отдыхать в каптёрку с миром. Сизый вряд ли бы понял мой интеллигентный язык, он привык жить по принципу «кто сильнее, тот и прав». Ответить его языком, а иначе говоря, послать его куда подальше, мне не хватало духу. Мы были в разных весовых категориях, и случись рукоприкладство, я бы огрёл от этого здоровенного детины до самого увольнения в запас. Задирать его было не в моих интересах.

– Смирно! – крикнул дневальный с тумбочки, отдавая воинское приветствие и вытягиваясь по струнке.

Все находящиеся в помещении замерли на месте, а Кокарев убежал встречать докладом вошедшего в роту старшину – прапорщика Даданова. Через минуту послышался ответ: «Вольно», дневальный с тумбочки повторил команду во всеуслышание.

– С тобой, сука, я позже поговорю! – сказал мне сквозь зубы Сизов и отошёл от меня, направляясь к выходу. Экзекуции не вышло.

– Сизый, ты тут какого хрена забыл? – спросил его старшина, заметив того проходящим по «взлётке» – проходу между кроватями.

– Да, вот, товарищ прапорщик, решил землю попроведать, – заискивающе ответил «дедушка».

Интонация в его голосе резко сменилась, теперь младший сержант был самой добротой и дружелюбием. Ещё бы – наш Даданов в некоторых случаях за словом в карман не лез, а порой мог и отвесить добрую оплеуху, чуть что не так.

– Знаю я ваши «проведать», – строго ответил прапорщик. – Будете опять чай гонять по полдня.

Он повернулся к дежурному по роте:

– Кокарев! Строй всех, кто есть, на обед! – он снова обратился к Сизому. – А ты, давай, дуй в свою роту. И тоже обедать. Нехрен мне тут дисциплину подрывать. Сначала они чаепития устраивают, а потом валяются в санчасти с желудками. Понял меня?

Сизов лениво ответил:

– Так точно! Разрешите идти?

– Ты ещё тут? Бегом давай! – прикрикнул на него прапорщик. – Разрешения он спрашивает.

Пока старшина гонял дежурного по расположению роты, я оделся, привёл себя в порядок и вышел в курилку во дворе. Все, кто находился в роте в данный момент, а это был суточный наряд, ВХО-шники и те, кто оставался на хозработы, были уже здесь и спокойно ждали построения. Кто-то курил, кто-то общался, кто-то просто сидел, уставившись в одну точку. Наконец, вышел сержант Кокарев и скомандовал:

– Взвод, стройся в колонну по три.

Мы послушно выстроились и по команде сержанта зашагали в столовую.

Шёл пятый месяц моей службы, и подобная жизнь стала для меня привычной. Я поступил сюда летом 2006 года, после того как прошёл курс молодого бойца. Часть находилась на окраине Ижевска, в районе с говорящим названием «городок Машиностроителей».

Кто-то из местных сослуживцев рассказывал, что во времена становления местного автозавода здесь активно строилось жильё для работников. В девяностые началась суматоха, связанная с приватизацией предприятий, автозавод то прекращал деятельность, то вновь обновлял. К нынешнему времени по факту осталось только название, машиностроители же разбрелись в поисках лучшей жизни по всей стране. Сам по себе район состоял преимущественно из двухэтажных деревянных домов и очень напоминал мне родной Пыть-Ях.

Часть, в которой я служил относилась к Спецстрою России. Это была наполовину гражданская, наполовину военная структура, подчинявшаяся всё-таки Министерству Обороны. Солдаты-срочники, служившие здесь, каждый будний день выезжали на строительство объектов, ведомых как раз Управлением Спецстрою России. Большинство трудилось разнорабочими, но наиболее ответственные бойцы были и стропальщиками, и плотниками-бетонщиками, и даже каменщиками. Мне же по воле случая и в силу моего профессионального музыкального образования довелось нести службу в оркестре, который репетировал в клубе части.

Утро начиналось с подъёма в 6:30. Как и во всех войсковых частях, полчаса отводились на зарядку, водные процедуры и приведение расположения в соответствующий порядок. После завтрака был утренний развод личного состава на плацу, откуда все четыре роты под «Про-

щание славянки» отправлялись на погрузочную площадку у КПП, чтобы устроиться в «шарабанах». Так солдаты называли старенькие тентовые грузовики ЗИЛ-130. После окончания погрузки офицеры садились по кабинам рядом с водителями, дежурный по КПП поднимал красный флажок, оркестр снова давал «Прощание славянки», и грузовики колонной отправлялись на объекты.

После развода мы возвращались в клуб, ставили инструменты и строились в шеренгу перед командиром отделения – сержантом Зайцевым. Он же раздавал указания и ставил задачи. Мы следили за порядком в клубе, реже отправлялись на хозяйственные работы на территории части, ещё реже – репетировали. Обычно оркестры собираются два-три раза в неделю, в зависимости от репертуара и концертного расписания. Но не мы. Наши музыканты были слишком заняты, чтобы регулярно заниматься на инструментах. Поэтому в первую неделю мне давали по полдня – с утра и до обеда – на разучивание партий четырёх маршей и гимна России. Через неделю Зайцев послушал всех новичков, а нас было четверо, удовлетворённо покивал головой и со следующего дня отменил регулярные занятия.

Как и все солдаты, мы ходили в суточные и ночные наряды. Суточные наряды по роте были рутиной. Ничего сложного – час-два стоишь на тумбочке у входной двери, при этом, если стоишь ночью, спать нельзя. Потом меняешься, но не бежишь отдыхать, а хватаешься за ведро и тряпку. В казарме всегда должны быть чистота и порядок, как в больнице. Да что там, больница, в сравнении с нашим помещением после парко-хозяйственного дня с мыльной пеной, выглядела рассадником антисанитарии. Это при том, что в расположении никогда не разува-лись у входа. В общем, расслабляться дневальному было некогда.

Ночной наряд по охране ВХО был моим любимым. Привыкший к ночной жизни, я легко мог отстоять дежурство, а потом не спать целый день. Было тяжело, но мне не привыкать. Время с девяти вечера до половины седьмого утра шло не спеша, и его с лихвой хватало, чтобы подумать о планах на жизнь после службы, творчестве, любимой девушке. Иногда удавалось даже что-то сочинять, заучивая строчки на ходу, потому что под рукой не было ни ручки, ни листа бумаги. Перед нарядом полагалось два часа сна, а после наряда – четыре, и в этом была прелесть ночных дежурств. Ночью у меня было время, чтобы побыть наедине с собой, а днём я забывался во сне, в то время, как казарменная жизнь пролетала мимо.

Оркестранты обладали ещё одной привилегией – мы чаще других выбирались из части в город. Раз или два в месяц весь оркестр в составе десяти человек выезжал на торжественные мероприятия. По такому случаю у нас всегда имелась парадная форма одежды, аксельбанты, белые ремни и перчатки. За ночь до выезда медные инструменты до блеска натирались пастой ГОИ (это было лучшее средство для борьбы со следами окисления), а рядовой Герасимов брался за четырёхгранный ключ, чтобы натянуть кожу на большом барабане. Больше всех повезло ефрейтору Капусте – он играл на малом барабане, за которым практически не надо было ухаживать. Болты на ободке инструмента подтягивались им каждый раз перед тем, как нужно было выходить играть.

По выходным в клубе части крутили кино. Главным киномехаником был барабанщик Герасимов, а в помощники ему вызвался трубач Камашов, парнишка из моего призыва. Кино было на раритетной плёнке «Свема», её крутили на здоровенных бобинных киноаппаратах. После показов её вручную перематывали и складывали в железные банки. Два раза в неделю Герасимов и Камашов ездили в городской кинофонд. В понедельник они отвозили туда уже показанные в части фильмы, в четверг – привозили два новых на выходные. Каждый фильм вмещался в две железные банки весом 15 килограмм каждая, поэтому «киношники» всегда отлучались в город вдвоём.

Формально в кинофонд должны были ездить киномеханики. На практике этой привилегией пользовались все, кто служил в нашем отделении, взамен привозя в клуб какой-нибудь «подгон». Обычно это были конфеты или любые другие кондитерские изделия. В ходу были

и хорошие сигареты. С ними вообще были трудности, потому что табак, выдаваемый солдатам из довольствия был такого низкого качества, что его не то, чтобы курить, его поджечь было невозможно. Запах у такого табака был соответствующий. Одно время мы как-то договаривались, что если не бросим курить вовсе, то уж точно не будем прибегать к «уставу» (так мы называли выдаваемые в части сигареты).

В общем, казалось, что мне повезло. Служба не напрягает, если не брать в расчёт рутину. Есть возможность выбраться из части с оркестром или самостоятельно, прихватив с собой банки с плёнкой. Кормили сытно, если повара не халтурили, то даже вкусно. А в нарядах была возможность побыть наедине с собой и подумать. Особенно в ночном. Во время курса молодого бойца нас, «духов», обычно пугали те, кто постарше, фразами из разряда: «Не дай Бог вам попасть после учебки служить в Ижевск. Там не сладко служится. Напрягают физически. На стройке постоянно всё бегом-бегом. Офицеры вообще звери», и прочими сказками.

Возможно, так и было, но на оркестрантов это не распространялось. У нас была своя, закрытая тусовка, которая подчинялась непосредственно командиру нашей роты или заместителю командира части по воспитательной работе. Имея приказ последнего, можно было по уставу вообще отказать в выполнении приказов любых иных офицеров и сержантов нашей роты. Для этого в уставе была предусмотрена устная форма доклада. И когда подобные ситуации случались, меня всегда забавляло, как наш ротный, капитан Литвинов, был вынужден топтать в клуб к замполиту, майору Сомову, чтобы выдернуть кого-нибудь из оркестра для выполнения поставленной задачи.

У нас же в отделении существовали свои правила внутреннего распорядка, была собственная система поощрений и наказаний. Если отличился – могли наградить ближайшей вылазкой в кинофонд. Или разрешали провести время в комнате психологической разгрузки, где стояли чайник и телевизор. Если провинился – загружали задачами так, что забывались и еда, и сон. Просто некогда было даже думать об этом. Невыполнение задачи означало очевидную провинность, а это значит, предстоял очередной круг исправления.

Периодически солдат посещали родственники и друзья. В части было предусмотрено время приёма посетителей, возле КПП обустроили гостевое помещение, где можно было присесть за отдельным столиком, выпить чаю и пообщаться. Если родственники приезжали издалека и позволял распорядок части, то солдата могли отпустить на сутки в увольнение. Естественно, под ответственность самих родственников.

Раз в неделю ко мне заглядывала Алинка – моя студенческая приятельница, с которой у нас были очень тёплые отношения. На первом курсе меня даже угораздило влюбиться в неё и тогда я летал от счастья. Почему, сам не знаю. Может быть, меня тогда опьяняла близость этой девушки. Мы учились в одной группе, ходили на одни и те же пары, где постоянно сидели вместе. Помню, как завкафедрой строго смотрела на нас, стоило нам устроиться рядом. Дурачились и получали по шее мы тоже вдвоём. Вернее, как? Дурачилась больше она, а я получал. За двоих. Мы с ней жили на одном этаже в общежитии, и часто готовили, и ужинали вместе. Любимое студенческое блюдо – варёная картошка, приправленная сливочным маслом, кетчупом, майонезом, а в прикуску к ней были домашние разносолы. Сейчас бы такое в нашей столовке.

Я не понимал до конца, каким образом Алина оказалась в Ижевске. Возможно, она почувствовала необходимость выйти из зоны комфорта, сменить на время город, чтобы пережить расставание с молодым человеком. Она всем говорила, что ей предложили курсы повышения квалификации по телевизионной журналистике, на которые она легко согласилась. Алина тактично отмалчивалась на тему своей личной жизни, но я знал, что летом, как раз, когда меня призывали, она рассталась с парнем. Просто взяла и прекратила всяческие отношения, включая общение. Я остановился на предположении о том, что она решила пожертвовать бесперспек-

тивной студенческой любовью ради взрослой жизни и карьеры. Как бы там ни было, я радовался, что Алинка была рядом.

III

Во время вылазок в город можно было позволить себе немного расслабиться и пококетничать с молодыми барышнями. От некоторых своих сослуживцев я слышал истории о знакомствах с местными девушками, завязывались даже романы. Зачастую они заканчивались после увольнения солдат в запас, потому что многих из них дома ждали девушки или даже жёны (бывали и такие ходоки налево, не скрою).

Меня дома никто не ждал. Как-то так случилось, что отношения с девушкой, длившиеся три года, прекратились сразу же, как только она узнала, что мне предстоит служба в армии. Она предупредила, что вряд ли сможет ждать меня год, на что я ответил, что лучше сразу разойтись, чтобы не делать друг другу больно. На службу я ехал опустошённый, но с надеждой на то, что у меня будет небольшой шанс её вернуть. Может быть, после моего возвращения у человека ещё останутся какие-то чувства, за которые можно будет зацепиться.

Но я не очень-то заострял внимание на прошедших отношениях. То, что у меня никого не было, одновременно давало мне свободу действий. Как говорится, судьба может настичь в любом месте и в любое время. И такой момент настал.

После обеда меня вызвал к себе капитан Литвинов, наш ротный командир.

– Баянкин, ты у нас в увольнение не ходил? – спросил он, когда я вошёл и доложил о своём прибытии.

– Нет ещё, – растерянно ответил я.

– Вот и сходишь, – решил он без раздумий.

– Но, товарищ капитан... – я хотел было возразить, но осёкся.

– Что? – офицер вопросительно посмотрел на меня. – Я слышал, тебя постоянно девушка на КПП ходит навещать? Вот и сходишь к ней в гости. А то, не ровен час, затоскуешь ещё, мало ли чего тебе в голову взбредёт.

– Спасибо, товарищ капитан.

– Не благодари. Значит, так. Записываю тебя на ближайшее воскресенье. Это послезавтра. Так что предупреди подругу, – твёрдо отрезал ротный, при этом взглянув на меня так, будто догадывался, чем я буду заниматься в увольнении. – И без глупостей на гражданке. Понял?

– Так точно!

– Свободен.

В воскресенье был пасмурный денёк, но это не мешало мне радоваться жизни. Я ехал довольный в троллейбусе в сторону центра. За две остановки до моего выхода села девушка. Наши взгляды встретились, и мне показалось, что я откуда-то её знаю. Она отдалённо напоминала мою одноклассницу. В тот момент я поймал себя на мысли, что был бы не прочь познакомиться. Но меня смущала военная форма, в которую я был запечатан, и то, что я в принципе мог быть неправильно понят.

Я вышел в центре, девушка вышла следом за мной. Неподдалёку от остановки находился парк, где можно было прогуляться. Я сделал несколько шагов, и услышал голос. Обращались ко мне:

– Молодой человек, не подскажите, набережная далеко отсюда?

Я обернулся и увидел девушку. Теперь, когда она стояла напротив, можно было внимательно её рассмотреть. Первое, что мне запомнилось, были глаза. В пасмурном октябрьском дне они были ярко-голубыми. Красивый цвет, который бросался сразу. У неё была очаровательная улыбка. Искренняя. Создавалось впечатление, что она доверяет мне целиком и полностью, хотя и знает меня от силы несколько минут. Из-под шапки оранжевого цвета кое-где выглядывали непослушные каштановые волосы. При своём невысоком росте девушка была

стройной. И это тоже не спряталось от моих глаз, несмотря на то, что одета она была как-то по-походному. Хотя, когда меня удивляли девушки в удобных ботинках на ногах и рюкзаком за спиной?

Я задумался. Можно было просто показать ей дорогу и отправляться по своим делам. Но тогда я рисковал больше её не встретить, а девушка мне понравилась.

– Давайте, я вас провожу? – предложил я. – Если вы не против, конечно.

– Давайте, – с улыбкой ответила она.

Набережная Ижевского пруда находилась неподалёку, через парк, куда я, собственно, и направлялся.

– Может быть, сразу на «ты»? – предложил я после короткого знакомства.

– Хорошо, – кивнула девушка.

– Как я понял, ты не местная? – спросил я, чтобы как-то начать разговор.

– Да, – ответила она. – Я из Ханты-Мансийского округа.

– Это что, получается, землячка?

Девушка удивлённо посмотрела на меня, не сразу поняв вопроса.

– А из какого города, если не секрет? – спросил я, не дожидаясь ответа.

– О, я думаю, тебе это ничего не скажет, – отмахнулась девушка.

– И всё-таки? – не сдавался я.

– Из Пыть-Яха, – ответила она.

Вот те на! Мало того, что эта девушка – моя землячка, так мы ещё из одного города. Вот уж действительно, судьба застала меня врасплох.

– Ну, да, – в шутку согласился я. – Кроме необычного названия у этого города ничего нет.

– А, то есть, ты в курсе? – заинтересованно спросила она.

Я кивнул в ответ. Мне пока не хотелось себя выдавать.

– А чего так далеко от дома уехала? – спросил я.

– Поступать, – девушка подумала. – Вернее, как поступать? Переводиться. Услышала, что здесь хорошая медицинская академия, и решила попробовать.

– О как! – удивился я.

– Так бывает. – ответила она и пожала плечами.

– А раньше где училась?

– В Хантах, тоже в медакадемии.

– И что, там всё так плохо?

– Я бы не сказала, что очень плохо, – девушка слегка замялась. – Но мне показалось, что здесь я могу научиться большему.

Для меня эта история была не нова. Что-то подобное говорила мне Алинка. В Хантах ей светила неплохая работа на родном филфаке, но она отказалась и внезапно для меня летом прикатила в Ижевск. И её эта фраза: «Я, конечно, не нацеливаюсь звёзды с неба хватать, но мне бы хотелось чего-то большего, чем профессия филолога». История этой девушки была несколько похожа на историю моей закадычной подруги. Или я искал совпадений?

– Ну, посмотрим, как будет получаться, – сказал я.

Она улыбнулась в ответ. Мне казалось немного странным, что молоденькая девушка, а на вид ей было лет семнадцать-восемнадцать, вела себя естественно и непринуждённо, как будто знала меня достаточно долго.

– А ты, насколько я понимаю, служишь здесь? – спросила она.

– Да, – ответил я. – Только я не скажу тебе, где. Это военная тайна.

– Вот как! – улыбнулась девушка. – Теперь ещё больше хочется узнать.

Мне показалось, я как минимум её заинтриговую, но она просто смотрела на меня и улыбалась, будто знала, что я специально вру, чтобы понравиться ей или отшучиваюсь, чтобы лиш- ний раз не называть род войск.

– А УССТ-6, наверное, это название подразделения? – спросила она и подмигнула мне, указав на шеврон на правом рукаве.

– Ага, – кивнул я. – И служат там не парни – звери. Им автоматов не дают, потому что они опасны даже с сапёрной лопатой. Видишь, кстати, петлички?

Я указал на уголки воротника своей гимнастёрки, видневшейся из-под бушлата. Закреплённые там петлички были в форме лиры, вписанной в лавровый венок, и означали мою принадлежность к военным музыкантам.

– И что это значит? – как бы подогревая мой интерес спросила она.

– Это вообще страшные парни, с которыми лучше не связываться, – ответил я со зловещей интонацией. – От одного только звука неприятель в страхе бежит, бросив оружие и забыв, зачем пожаловал.

– Эти страшные парни – музыканты, что ли? – еле сдерживаясь от смеха спросила моя новая знакомая.

– Ага, – кивнул я, и не выдержав, засмеялся.

Мы ещё гуляли по набережной, то и дело заходя в парк или оказываясь на узких ижевских улочках. Потом я проводил её на троллейбусную остановку, и она уехала, оставив свой номер телефона. Я же объяснил, как добраться до части, если вдруг она захочет меня навестить. Не знаю, почему, но я надеялся, что понравился ей. По крайней мере, заметил, что она часто мне улыбалась, смеялась над моими порой глупыми шутками и вообще, чувствовала себя в моей компании комфортно.

На обратном пути я зашёл в магазин, чтобы купить сослуживцам-оркестрантам чего-нибудь сладкого к чаю и попутно набрать себе ирисок в ночной наряд. Когда рот занят, спать хочется меньше, а думается легче. Плюс сладкое слегка повышало запас энергии, необходимой для несения службы на свежем морозном воздухе. Стоя в очереди в кассу я заметил на стойке с периодикой газету. Я не был поклонником подобной печати, но сейчас меня привлёк заголовок. «Снилось мне» гласил он крупными буквами яркого цвета на первой полосе. Я задержался у стойки и задумался. Мне вспомнился сон и слова администратора о знаках. Неужели это они и есть? Бред какой-то. Но мне захотелось взять себе экземпляр, чтобы прочитать статью перед нарядом.

Впрочем, до газеты мои руки так и не добрались. Я специально не пошёл на ужин, чтобы погрузиться в интересующую меня информацию на первой полосе, но вместо увлекательного чтения меня ждало новое удивление. В комнате психологической разгрузки, которую мы в шутку называли психушкой, работал телевизор. Он-то и отвлёк моё внимание от газеты своим громким звуком.

«Сенсация! Мужчина уснул во время перестройки, а проснулся через 20 лет!», – вещал диктор во всеуслышание. В кадре появился герой сюжета, мужчина лет пятидесяти на вид. Он лежал в постели, боясь лишний раз пошевелиться и пытаясь выдать в микрофон более-менее связную речь. По его растерянному лицу было видно, что он не понимал, кто он и где. Сидевшая рядом женщина, по всей видимости, супруга героя, рассказывала репортёрам о прожитых годах при живом недееспособном муже, о том, как тяжело было поднимать одной двоих детей, о лихих девяностых и разводящих руками врачах, о скитаниях по всевозможным клиникам, экстрасенсам, гадалкам, цыганкам, бабкам, о том, как тяжело было ухаживать за мужем, впавшим в летаргический сон. Далее по сюжету следовали комментарии врачей, обязательно каких-нибудь академиков, и специалистов по паранормальным явлениям.

Мне почему-то этот сюжет практически сразу показался «уткой». Как-то всё ненатурально было сыграно. Мужчину, как вариант, могли «накачать» алкоголем, успокоительным или даже наркотиками для создания пушшего эффекта. Семью, врачей, экстрасенсов и прочих фигурантов могли сыграть профессиональные актёры. Причём из числа не самых удачливых, которым не повезло попасть в театры, или засветиться в низкопробных телесериалах. Сни-

маться в подобных псевдонаучных репортажах было для многих из них вопросом выживания, а платили за участие в них всегда прилично.

Моё внимание привлёк только один комментарий. В кадре сидел невзрачного вида парень, лет двадцати пяти на вид, который по сюжету был сталкером. Занятие это мне казалось интересным, потому что я представлял себе жизнь в походных условиях, путешествия по самым странным местам, общение с местными жителями, и возможно, осознание чего-то нового. Сталкер этот рассказывал о технике осознанных сновидений и предположил, что мужчина, скорее всего, нечаянно открыл в себе эту необычную способность. Во время осознания во сне создаётся ложная видимость того, что спящий живёт в действительности. Поэтому он, скорее всего, просто не почувствовал разницы между реальностью, в которой жило его тело и тем состоянием, в котором он пребывал во время осознанного сна. «Предполагаю, сказалось ещё и то, в каких условиях жил мужчина», – закончил мысль парень: «Посудите сами, восемьдесят шестой год, дефицит, очереди, талоны, нестабильная обстановка в стране, Афганистан, Чернобыль. Само собой, мужчина подсознательно предпочёл остаться жить во сне, где всего этого не было».

Мысль об осознанных снах была интересной, хоть и мало похожей на правду. Я решил поискать информацию в Республиканской библиотеке во время своего следующего выезда в город. Ну, или попросить Алину поискать что-то на эту тему. Она вряд ли откажет в помощи. Кстати, я совершенно про неё забыл в увольнении. Подруга наверняка будет обижаться – не позвонил, гулять не позвал, в гости не зашёл. Хотя, первое для меня было проблематично, потому что мобильники в части были под запретом. У меня же телефона не было вовсе, так как ещё перед отъездом в часть я оставил его дома, начитавшись всевозможных статей в интернете об особенностях несения службы.

Пять минут я потратил на чтение статьи по диагонали. Ничего особенного в ней не говорилось, автор намекал на тайные знаки и их толкование. Подошёл он к раскрытию этого вопроса не очень-то профессионально, не было ни ссылок на известные сонники, ни комментариев специалистов от медицины в этой области. На первую полосу она попала по счастливой случайности. Или по недосмотру главного редактора. Или просто потому, что кому-то так было надо.

И тут меня будто ударило током. Администратор. Сюжет, статья, случайное знакомство с девушкой, больше походившей на сталкершу. Хотя, девушку я, наверное притянул за уши. Но не мешало бы и с ней осторожно поговорить об этом. Вдруг она расскажет что-то такое, чего я не знаю. Это всё было удачными совпадениями или всё-таки тайными знаками, о которых я слышал во сне?

После отбоя я быстро уснул в надежде увидеться со своим фантомом из серверной, но меня ждало разочарование. Вместо сновидения был вакуум и чувство внутренней пустоты, которое не покидало меня даже после команды «Подъём!». С ним я и провёл всю первую половину дня. После обеда меня неожиданно навестила Алина.

– Димыч, ты почему такая скотина? – спросила она сразу же, как только я вошёл в гостевую комнату КПП.

– В смысле? – ответил я, не понимая, к чему вопрос.

– Он даже не догадывается, – возмутилась подруга. – Он, значит, был вчера в увольнении, шарился где-то по городу почти полдня и даже в гости не удосужился зайти.

– Блин! Точно, – вспомнил я и шлёпнул себя по лбу. – Я совсем забылся. Во дурак!

– Ага-ага, – Алинка закивала головой. – Кается он теперь. Ннну!

– Алиныч, прости! Я действительно забылся.

Я попытался изобразить на лице раскаяние, но получилось у меня плохо. Алинка сидела за столом, насупившись. Я знал, как можно исправить положение. Подошёл к столу с чайником

и стаканами, налил кипятка, закинул чайные пакетики и поставил перед ней стакан с горячим чаем.

– Спасибо! – ответила она, а я выложил на стол две шоколадные конфеты, которые приберёг для ужина.

– Угощайся!

– Ого! – удивилась она. – Это где ты так разжился?

– Так, в увольнении, – ответил я.

– И чем ты вчера занимался, если ко мне не пришёл? – спросила она как ни в чём не бывало.

– Гулял. На набережной. По центру.

– Все четыре часа? – удивилась она.

Я кивнул, отпивая чай из стакана.

– Один, что ли?

– В том-то и дело, что нет, – ответил я. – Если бы я был один, точно бы про тебя вспомнил. Вернее, не забыл бы.

– Ну-ка, давай, колись, – чуть ли не потребовала Алина, глаза её загорелись от любопытства.

От обиды не осталось и следа. Моя приятельница была девушкой вспыльчивой, но в то же время быстро отходила, понимая, что местами она просто накручивает себя и перегибает палку.

Возможно, такой она была только для меня. Мы дружим достаточно долгое время и очень тепло друг к другу относимся. Наверное, настолько тепло, что простой дружбой эти отношения назвать уже сложно. Это была любовь, подпитываемая взаимными симпатиями, комплиментами, взаимовыручкой и постоянной поддержкой на всех уровнях. Я мог легко перевоплотиться для неё и в личного психолога, и в партнёра по выступлениям на сцене, и в мужа на час, да хоть в Супермена, если надо. Алинка, как никто другой, всегда знала, когда меня надо мотивировать пинком, когда поддержать, а когда и похвалить. Если мы оказывались в компании вместе, нас непременно спрашивали, как долго мы встречаемся. И удивлялись, когда слышали отрицательный ответ. Иногда я жалел, что наши студенческие отношения так и не нашли дальнейшего продолжения, и мы в итоге не стали встречаться или жить вместе. Но наша взаимная привязанность была для нас куда дороже слов о любви или золота на безымянных пальцах.

– Ты веришь в то, что случайные вещи бывают не случайными? – начал я.

– Ну, как сказать? – Алина задумалась. – Скорее да, чем нет.

– Вот и я теперь скорее да, – ответил я. – По крайней мере, вчерашний день меня в этом убедил.

– Что, встретил кого? Дай угадаю? Того, кого ну совсем не ожидал, – предположила она и с любопытством посмотрела на меня.

– Вообще не ожидал. Еду я себе в троллейбусе, думаю, выйду в центре, у храма Александра Невского, да пройду по парку немного, свежим воздухом подышу. И тут эта девушка садится. Да так, чтобы я её видел. И смотрит на меня. Как будто для неё других пассажиров нет совсем.

– И что, ты подошёл к ней? – спросила Алина.

– Нет. Я вышел у Невского.

– Ну, и дурак, – отвесила Алина. – Димыч, надо было знакомиться. Тем более, девушка неоднозначно дала тебе понять, что ты привлёк её внимание. Улыбалась, поди?

– Было немного, – ответил я. – Ты дальше слушай. Выхожу я на остановке, и уже было иду в парк и вдруг слышу – зовёт меня женский голос. Оборачиваюсь – она.

– Ого!

– Что «ого!»? Дорогу она спросила у меня до Набережной.

– Ну, так правильно! Нужен же был какой-то повод, чтобы с тобой заговорить. Молодец, девка! А то ты пока решился, она бы уже успела замуж выскочить.

– Думаешь, это был просто повод? – спросил я.

– Как пить дать, – уверенно ответила подруга. – Суди сам, она всю поездку смотрит на тебя, улыбается. Если ты не врешь, конечно. А потом как бы случайно выходит у Александра Невского вместе с тобой.

– Может быть, ты и права. Тогда меня это всё ещё больше удивляет.

– А что удивительного? Ты, вроде, парень симпатичный. Руки-ноги на месте. Голова тоже на плечах имеется. Почему ты думаешь, что не мог бы понравиться девушке?

– Да меня не это удивляет, – ответил я. – Она из Пыть-Яха.

– Ничего себе! – удивилась Алина. – Вот уж действительно, неслучайное совпадение. И что, ты просто показал ей дорогу и всё?

– Нет, конечно! Думаешь, почему я к тебе так и не попал вчера? Мы часа два прогуляли по набережной и по центру.

– Ну, вот видишь, какой молодец! Можешь же, когда хочешь.

– Спасибо! – ответил я на комплимент. – Алиныч, а ты ревновать не будешь, если вы вдруг случайно пересечётесь на КПП?

– Я? – спросила она, указав на себя. – Я тебе голову откручу, если с кем-то увижу! Шучу! Я улыбнулся. Алина продолжала.

– Нет, Димыч. Я на самом деле рада, что ты тут успеваешь ещё с кем-то знакомиться. Если у тебя всё будет хорошо, я буду только за.

Она потянулась к своей сумочке.

– Кстати, я чуть не забыла. Держи себе занимательное чтение.

Она положила на стол книгу, и я еле сдержался, чтобы не выразить на лице удивление и шок. Всё дело в том, что Алина принесла мне для прочтения «Искусство сновидения» Карлоса Кастанеды.

Ну, дела! Если не считать вчерашней встречи, то это уже третий знак за последние сутки, но теперь, похоже, мой фантом присылает мне инструкции. Я точно знаю, чем будет занято всё моё свободное время в нарядах. Изучение двухсот пятидесяти страниц эзотерического романа потребует времени, но я надеялся, что у переводчика окажется легко читаемый и понятный язык.

– Я так понимаю, ты в восторге? – спросила Алина, отвлекая меня от мыслей.

– Как тебе сказать, – начал я. – Ты попала в точку. Я как раз собирался что-то подобное почитать.

– Я попыталась, кстати. Меня хватило на десять страниц. Муть, как по мне.

– А чего принесла, если муть? – спросил я.

– Ну, ты же у нас любитель всякой мистики и потусторонщины.

– Алиныч, я скорее любитель популярной науки, – я отвернулся и посмотрел в окно.

От КПП в сторону клуба не спеша шли Герасимов и Камашов. Я вспомнил, что сегодня понедельник, день планового визита в кинофонд.

– Погоди маленько, – сказал я Алине, схватил шапку и выбежал их догонять.

Меня посетила мысль, и я должен был её проверить. Я догнал сослуживцев за минуту.

– Игорь, репертуарный план по кино у тебя с собой? – спросил я, обратившись к Герасимову.

– Ну, да. Я по нему фильмы получаю, – ответил тот. – А что?

– Разреши взглянуть.

– Держи, – ответил он и достал из внутреннего кармана бушлата сложенный в несколько раз лист.

Я посмотрел, какие будут фильмы в эти выходные, отдал план обратно Герасимову и вернулся к Алинке на КПП.

– Ты чего? – недоумевая спросила меня подруга, когда я вошёл и сел напротив.

– Да, так, – махнул я рукой. – Посмотрел, что на выходные привезут из кинофонда.

– И чем вас тут развлекают?

– «Сталкером» Тарковского.

– Ого! – удивилась Алина. – Серьёзное кино. Такое не в каждом кинотеатре увидишь.

– Это точно.

Между тем, приятельница засобиралась, потому что время посещения подходило к концу. Мне же нужно было успевать на инструктаж, а потом и на развод суточного наряда, у Алинки была учёба.

– Ты теперь в пятницу придёшь? – спросил я на прощание.

– Не знаю, – ответила она. – Как получится. Ты держись тут и будь молодцом.

Она поправила воротник на моём бушлате и обняла меня. Прежде чем сделать шаг за дверь, развернулась и сказала:

– Может быть, твоя новая знакомая придёт тебя навестить? Кстати, как её зовут? Ты ведь так и не сказал.

Я вспомнил, что ни разу не упомянул в разговоре её имени и ответил:

– Антонина. Тоня.

– Красивое имя, – заметила Алина и шагнула за порог КПП. – Ну, пока!

IV

Совпадения и знаки лились на меня как из рога изобилия. Статья, книга, репортаж сомнительного содержания, случайное знакомство с Тоней. Во время прогулки с ней меня вообще не покидало ощущение, будто она меня знает. Хотя, это я мог себе выдумать. «Сталкер» вообще меня добил. Откуда в репертуарном плане не самой передовой части могло появиться такое серьёзное кино, я ума не приложу. Самое интересное, я не мог припомнить, чтобы видел его в документе раньше. План составлялся на месяц, и мне довелось ознакомиться с ним в начале октября, когда я ездил в кинофонд.

За час до выхода на вверенную мне для охраны территорию я прочитал первые десять страниц книги. Читал вдумчиво, понимая, что важна любая малейшая деталь, и при этом мало что понимая. Я решил, что продолжу чтение сразу же после завтрака, когда отправлюсь отдыхать. Как минимум час на это занятие могу выделить.

Во втором часу ночи я не спеша бродил по территории стадиона части, куда был распределён старшим наряда. Проходя мимо клуба, услышал голос, доносившийся из окна первого этажа:

– Димон! Баянкин!

Я обернулся. Меня звал Серёга Усов, тромбонист из нашего отделения, который сегодня на ночь остался дежурить по клубу.

– А! – ответил я.

– Кофейку со мной бахнешь? – предложил он.

Я недолго подумал. Порция крепкого кофе мне не помешает.

– Наливай, – согласился я.

– Жди момент, – ответил сослуживец и скрылся в темноте клуба.

Серёга Усов был моим сверстником, правда, призвали его на полгода раньше. Он, как и я, был годичником с высшим физико-математическим образованием, а к нам в отделение попал, потому что имел навык игры на тромбоне. Ему вообще крупно повезло в своё время, потому что полгода назад музыкантов в части не хватало и в клуб брали всех, кто имеет хоть какое-то представление о духовых инструментах. Во время службы мы с ним очень сдружились и часто общались на всякие жизненные темы. Он был большим поклонником науки, в частности, физики, математики и информатики и мог разговаривать на эту тему часами. Как-то раз Серёга обмолвился, что собирается писать после службы диссертацию, а в армию он пошёл, чтобы потом не отвлекаться от научной работы на посещение военкомата.

– Осторожно, горячий! – предупредил меня Серёга, подавая стакан.

Я поблагодарил его и осторожно отпил глоток.

– Что, как гуляется? – поинтересовался он. – Всё спокойно?

– А что может в нашей глуши случиться? – ответил я.

– И то правда, – согласился он. – Хоть спать иди.

– Везёт тебе. Можно немного вздремнуть.

– Да, как бы не очень-то. В прошлый наряд, как раз Литвинов по части дежурил, так он ко мне раза три за ночь заходил. Хорошо, хоть гостей не было. А то сам знаешь, если кто-то лишний будет, мало не покажется.

Я ничего не ответил, только отпил из стакана очередной глоток кофе. Меня сейчас волновало другое. Я долго решал, о чём поговорить с Серёгой, и наконец, решился:

– Можно вопрос?

– Валяй, – согласился он.

– Ты доволен тем, как складывается твоя жизнь?

Он задумался, прежде чем начать:

– Ну, как сказать? Если мыслить глобально, то мне всегда есть о чём жалеть. Но я стараюсь не думать о том, что упустил или что сделал не так.

– Счастливым человеком, – позавидовал я.

– Да тоже, как сказать. Лично я немного завидую людям без определённости в жизни. У них ничего не ясно, потому что у них завтра наступит только завтра, а всё, что нужно ценить – это сегодня.

– По крайней мере, им не скучно, – дополнил я.

– Также верно, – согласился Серёга. – Хочешь простой пример? Ты в компьютерные игрушки играешь?

– Иногда.

– А как ты в них играешь?

– То есть? – переспросил я, не поняв вопроса.

– Ну, ты играешь, как повезёт, или какую-то стратегию сначала продумываешь, пробные заходы делаешь, прощупываешь всё, осматриваешься? Или несёшься тупо напролом?

– Когда как. И смотри в какой игре. Есть же разные жанры. В шутерах ты обычно не думаешь, а несёшься, как Бог на душу положит. А в квестах наоборот, надо подумать, прежде чем принять решение. Мне, кстати, в своё время нравилась одна шпионская стрелялка, где надо было выполнять задачи, оставаясь незамеченным. Ох, и сломала она мне тогда мозг!

– Вот, хорошо, что ты про конкретику вспомнил. Легче будет. – продолжал Серёга ход своих мыслей. – Смотри, тот факт, что тебе приходилось поломать голову, чтобы пройти, оставшись незамеченным не отменяет того, что ты мог пойти с шумом, горой выстрелов и трупов.

– Это да, – ответил я. – Но в таком случае, пришлось бы раскидывать кучу народа, поднятого по тревоге.

– Ну, это уже нюансы, – махнул рукой сослуживец. – Просто прими факт существования обеих вероятностей. Теперь к тебе вернёмся. Как ты играл? Ломился раскидывать всех по углам, или пытался придумать что-то, чтобы пройти путь как можно тише.

– Второе. Этот путь оказывался менее затратным по здоровью персонажа, по запасам патронов и моих нервов.

– Так получается, что сложный путь оказывается самым простым, правильно.

Я задумался. Так оно и было. В той игре я не был метким стрелком, во многом от того, что стрельба из оружия была реализована разработчиками чересчур реалистично. Если персонаж выдавал по противнику очередь из автомата, ствол задирало к самому верху экрана. Приноровившись, можно было стрелять в полуавтоматическом режиме, нажимая на курок кратковременно, но против десяти-пятнадцати ребят, которыми руководил искусственный интеллект, это также плохо работало. Игра была рассчитана на тихое прохождение.

– Тебе нравилось? – задал Серёга очередной вопрос.

– Ну, да, – ответил я. – В этом была своя прелесть.

– Но ведь ты ни разу не пожалел о том, что не прошёл её напролом, сломя голову и раскидывая солдат противника налево и направо.

– Нет.

– Ну, вот ты практически и ответил на свой вопрос, – заключил Серёга. – Понимаешь, есть куча возможностей, которые ты можешь реализовать, множество вероятностей. Пока ты не сделал выбор.

– Не понял, – сказал я и в недоумении посмотрел на сослуживца. Мысль о множестве вероятностей для меня была не нова.

– Слышал что-нибудь о квантовой физике? – спросил он.

– Нет.

– Тогда попробую объяснить на пальцах. Есть две коробки. Одна пуста, во второй лежит.... Ну, скажем, ручка. Коробки закрыты, ты не знаешь, в какой из них она находится.

Пока ты определяешься, ручка лежит в обеих коробках. Но как только делаешь выбор – она принимает одно из своих положений – или она находится в коробке или нет.

– Эмммм. Не понял. То есть, как в обеих?

– Вот так, в обеих, – он развёл руками. – Парадокс, имеющий место только в квантовой механике.

– Это тогда удобно мир подстраивается. Оба положения реальны, получается.

– О! – Серёга поднял палец вверх. – Доходит, наконец-то. До тех пор, пока ты не определился, ручка находится в состоянии суперпозиции, то есть, гипотетически или в обеих коробках, или вообще там нет. Теперь вернёмся к играм. Тут условно разработчики предусмотрели разное поведение и тактику игрока. Ты можешь идти напролом, можешь красться, можешь комбинировать. Пока ты не начал играть, сама по себе игра предполагает множество вариантов развития. Каждый из которых реален, потому что прописан разработчиками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.